

Научная статья

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6481

EDN: SALUMA

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и Наказание» в контексте Священной истории: Авраам, Христос, Магомет

В. В. Борисова

Московский государственный лингвистический университет

(г. Москва, Российская Федерация)

Государственный музей истории российской литературы

им. В. И. Даля

(Музейный центр «Московский дом Достоевского»)

(г. Москва, Российская Федерация)

Башкирский государственный педагогический университет

им. М. Акмуллы

(г. Уфа, Российская Федерация)

e-mail: vvb1604@gmail.com

Аннотация. В статье представлен развернутый комментарий знаменитого высказывания Родиона Раскольникова, в котором актуализируется амбивалентная семантика образов «дрожащей твари» и пророка. Оно представляет собой двойную парафразу, восходящую к «Подражаниям Корану» А. С. Пушкина. Как показали результаты нарративного и текстологического анализа «Преступления и Наказания», эта особенность словоупотребления позволяет дифференцировать позиции автора и героя. Также в статье доказывается, что в каноническом тексте Достоевского мысль Раскольникова оформлена как «чужое слово», графически и пунктуационно маркированное, о чем сигнализируют кавычки, курсив, начальное двоеточие и восклицательный знак в конце. В цитируемом тексте дважды чередуются восклицание Раскольникова и прямая речь пророка в интерпретации героя романа. Позицию Раскольникова автор подвергает сокрушительной «сюжетной критике», развенчивая его религиозные и нравственные ошибки, в том числе противопоставление Христа Магомету, которое Достоевский снимает в эпилоге романа, упоминая об Аврааме, «отце всех верующих». Его фигура является ключевой в системе отношений исторического и духовного родства трех мировых религий. В контексте антропологии и генеалогии Священной истории последнее видение Раскольникова символизирует его возвращение в «лоно Авраамово». Герой, подобно благоразумному разбойнику в одном из вариантов иконографического сюжета, словно оказывается рядом с «праотцом». В результате проведенного историко-культурного и текстологического анализа сделан вывод о том, что Достоевский вслед за Пушкиным воспроизвел в романе эффект со-бытия героя с главными фигурами Священной истории.

Ключевые слова: Достоевский, Преступление и Наказание, Священная история, Авраам, Христос, Магомет, Раскольников

Для цитирования: Борисова В. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и Наказание» в контексте Священной истории: Авраам, Христос, Магомет // *Неизвестный Достоевский*. 2022. Т. 9. № 4. С. 186–198. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6481. EDN: SALUMA

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.6481

EDN: SALUMA

F. M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in the Context of Sacred History: Abraham, Christ, Mohammed

Valentina V. Borisova

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russian Federation)

V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Museum Center

"Moscow House of Dostoevsky")

(Moscow, Russian Federation)

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

(Ufa, Russian Federation)

e-mail: vvb1604@gmail.com

Abstract. The article presents a detailed commentary on the famous statement of Rodion Raskolnikov, which actualizes the ambivalent semantics of the images of the "trembling creature" and the prophet. As the results of the narrative and textual analysis of "Crime and Punishment" show, this feature of word usage makes it possible to differentiate between the positions of the author and the hero. The article also proves that in the canonical text by Dostoevsky Raskolnikov's thought is framed as a "foreign word," graphically and punctuationally marked, as indicated by quotation marks, italics, an initial colon and an exclamation mark at the end. In the quoted text, Raskolnikov's exclamation and the direct speech of the prophet in the interpretation of the hero of the novel alternate twice. The article shows how the author exposes his position to crushing "plot criticism," debunking Raskolnikov's religious and moral mistakes, including the opposition of Christ to Mohammed, which the author eliminates in the epilogue of the novel by mentioning Abraham, "the father of all believers." His figure is a key one in the system of historical and spiritual kinship of the three world religions. In the context of anthropology and genealogy of the Sacred History, Raskolnikov's last vision symbolizes his return to the "bosom of Abraham." The hero, like a prudent robber in one of the variants of the iconographic plot, seems to be next to the "forefather." As a result of the conducted historical, cultural and textual analysis, the author concludes that Dostoevsky, following Pushkin, reproduced the effect of the hero's co-existence with the main figures of Sacred History in his novel.

Keywords: Dostoevsky, Crime and Punishment, Sacred History, Abraham, Christ, Mahomet, Raskolnikov

For citation: Borisova V. V. F. M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in the Context of Sacred History: Abraham, Christ, Mohammed. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 4, pp. 186–198. DOI: 10.15393/j10.art.2022.6481. EDN: SALUMA (In Russ.)

.....

Б. Н. Тихомиров, комментируя ряд «установителей и законодателей человечества», среди которых Раскольников назвал Магомета, отметил, что мысль героя, стремящаяся объять всемирную историю человечества, «базируется на фактах *внехристианской истории*» [Тихомиров, 2005: 237]. На наш взгляд, религиозный контекст романа «Преступление и Наказание» — это вся Священная история человечества, понимаемая как история его отношений с Богом, в которой великий след оставили Авраам, Христос, Магомет, упоминаемые Раскольниковым.

В романе Ф. М. Достоевского русский православный студент вдруг странным образом восклицает:

«О, как я понимаю "пророка", с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся "дрожащая" тварь! Прав, прав "пророк", когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого, не удостоивая даже и объясниться! Повинуйся, дрожащая тварь, и — *не желай*, потому — не твое это дело!..»¹.

В Полном собрании сочинений Достоевского в 30 томах к этому фрагменту дан историко-литературный комментарий с указанием на его предполагаемые источники (*ДЗ0*; т. 7: 382–383). Отмечено, что выражение «*дрожащая тварь*» восходит к Корану и стихам Пушкина из цикла «Подражания Корану», к строкам из которого писатель обращается и в романе «Подросток» (*ДЗ0*; т. 7: 382; см. также: *ДЗ0*; т. 13: 175). В Библиотеке Достоевского был экземпляр Корана на французском языке². С этого французского перевода К. Николаев сделал русский перевод, дважды выходявший в 1864–1865 гг.³ В газете «Санкт-Петербургские Ведомости» объявление о продаже этой книги стояло рядом с извещением о продаже «Записок из Мертвого Дома» (8 мая 1865 г.).

На основе этого реального и историко-литературного комментария Б. Н. Тихомиров развернул убедительную интерпретацию [Тихомиров, 2016: 317–319], отметив, что Пушкин перевел «на язык Корана евангельский стих», исходя из переключки обращения Христа к своим ученикам: «...шедше въ міръ весь, проповѣдите Евангеліе всей твари» (Мк. 16:15) — и Аллаха к Мухаммеду:

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 212. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *ДЗ0* и указанием тома и страницы в круглых скобках. См. также: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2016. Т. 6. С. 236.

² Le Koran / traduction nouvelle, faite sur le texte arabe, par M. Kasimirski; nouvelle edition, avec notes, commentaires et preface du traducteur. Nouvelle edition. Charpentier, Libraire-Editeur, 1844. 521 p.

³ Коран Магомета, переведенный с арабского на французский переводчиком французского посольства в Персии Казимирским: с примечанием и жизнеописанием Магомета / с фр. пер. К. Николаев. М.: Шамоу, 1864. 156 с.

«Мужайся ж, презирай обман,
Стезю правды бодро следуй,
Люби сирот, и мой Коран
Дрожащей твари проповедуй»⁴.

В ряду идеальных императивов Аллаха последний призыв в пушкинском переложении несомненно выражает идею милосердного отношения к человеку, чрезвычайно важную и в художественной антропологии Достоевского, в которой образ «дрожащей твари» генетически связан с библейским представлением о человеке как «Божьей твари». Для самого Достоевского «дрожащая тварь» — это прежде всего дитя человеческое. Не случайно в произведениях писателя всегда «дрожат» испуганные и страдающие дети, по отношению к которым проверяются все герои-идеологи, претендующие на роль новых «установителей и законодателей человечества» (см.: [Борисова, 1997b]).

Вместе с тем, сохраняя высокий нравственно-религиозный смысл пушкинской цитаты, укорененной в Евангелии и Коране, Достоевский реализовал в романе возможность актуализации противоположного отношения к «дрожащей твари». Как показывают результаты нарративного и текстологического анализа «Преступления и Наказания», эта особенность словоупотребления позволяет дифференцировать позиции автора и героя. Хотя в своей функциональной амбивалентности образ «твари дрожащей» соотносится с кругозором автора и героя одновременно, он приобретает разное аксиологическое значение: высокое для самого автора и низкое для героя. Вульгарной цитацией выражения «дрожащая тварь» Раскольников искажает характер отношений между человеком и Богом, между человеком и пророком.

В устах Раскольникова кораническая сура в пушкинском переложении в буквальном смысле превращается в сатанинский стих. Бог якобы посылает жестокого пророка к своей твари и сам относится к ней с презрением. Пророку, Богу приписывается совершенно невозможное ни по Библии, ни по Корану отношение к человеку. В то время как согласно православной традиции, «Бог любит тварь Свою и мучается за нее, мучается грехом ее. Бог простирает руки к твари Своей, просит ее, призывает ее, ожидает к Себе блудного сына Своего» [Флоренский: 293–294].

Раскольников искажает этот религиозный смысл, что в конечном счете приводит его к трагической ошибке. Как отметил С. Г. Бочаров, в речи героя происходит «семантический сдвиг богоборческого характера» [Бочаров: 94]. Аллаху и его пророку Раскольников приписывает презрительное и жестокое отношение к «дрожащей твари». В восприятии петербургского студента

⁴ Пушкин А. С. Подражания Корану // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977. Т. 2. С. 188.

образ Мухаммеда периода Медины актуализируется как образ пророка-завоевателя в субъективно-психологическом («я понимаю») и искаженном историческом плане за счет наполеоновской аллюзии («ставит батарею») (см.: [Борисова, 1997a]). Батарея поперек улицы — это деталь из биографии французского императора, отдававшего приказ стрелять по церкви в Париже и мечети в Каире. Такая интертекстуальная контаминация была задана еще Пушкиным:

«Мы все глядим в Наполеоны.
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно»⁵.

Эволюция историко-культурного сращения «Наполеон-Магомет», центрального в теории Раскольниково о великих людях, исторические и литературные источники аналогии «Наполеон и Магомет» раскрыты в недавней статье Н. Н. Подосокорского [Подосокорский]. Однако по крайней мере с двумя тезисами исследователя мы не можем согласиться. В первом из них он абсолютизирует традиционное негативное представление о мусульманском пророке: «Студент Раскольников видит в Наполеоне <...> нового Магомета со свойственными мусульманскому пророку чертами: фанатизмом, безжалостным отношением ко всякому, кто встает на его пути, непоколебимой верой в собственное призвание, долженствующей изменить мир» [Подосокорский: 92]. Во втором случае Миколка, «который берёт на себя вину Раскольниково, невольно претендует тем самым и на место последнего в качестве потенциального мессии (?! — В. Б.)», принадлежит, по мнению Н. Н. Подосокорского, к мистической секте русских раскольников-почитателей Наполеона, что в корне противоречит функциональной роли этого «народного двойника» главного героя в романе Достоевского (см. об этом: [Борисова, 1996], [Тихомиров, 2016: 426–429]).

Заметим, что в оформлении высказывания Раскольниково о «дрожащей твари» и «пророке» большую роль играет графика [Захаров, 1979]: в кавычки заключены ключевые слова, маркирующие двойную парафразу, восходящую, как уже отмечено, к Корану и стихам Пушкина. Она приобретает в тексте романа важное характеризующее значение, раскрывая нравственную амбивалентность героя: «Тварь ли я дрожащая или *право* имбю...»⁶. С одной стороны, он утверждает свое «право» как новый «пророк» и «законодатель человечества»; с другой — сам выглядит «тварью дрожащей»: после преступления Раскольниково все время дрожит, его сотрясает болезненная, нервная дрожь.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 5. С. 36.

⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. Т. 7. С. 404. Далее ссылки на издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Ө. Д.* и указанием страницы в круглых скобках.

О том, насколько важно в произведениях Достоевского различать позиции автора и героя, писалось много раз. «То, что о своей идее говорит герой, часто сбивает с толку <...> не только читателей, но и критиков <...>, но разобраться в том, в чем запутался герой романа, необходимо» [Захаров, 2007: 530]. Однако до сих пор не обращалось внимания на то, что мысль Раскольникова в романе оформлена как «чужое слово», о чем свидетельствует канонический текст «Преступления и Наказания»:

«О, какъ я понимаю "пророка", съ саблей, на конѣ: Велить Аллахъ, и повинуйся, "дрожащая" тварь! Правъ, правъ "пророкъ", когда ставитъ гдѣ-нибудь поперегъ улицы хор-р-ошую батарею и дуетъ въ праваго и виноватаго, не достаивая даже и объясниться! Повинуйся, дрожащая тварь и — *не желай*, потому, — не твое это дѣло!..» (Ф. Д.: 266).

Разница в пунктуационных знаках между современными изданиями и каноническим текстом здесь принципиальна. Как верно в данном случае замечает Н. Н. Подосокорский, «в "Преступлении и наказании" критика Магомета <...> принадлежит не самому писателю, но его герою» [Подосокорский: 94]. Речь Раскольникова маркируется графическими способами выражения смысла, причем кавычки и курсив свидетельствуют о двух уровнях интертекстуальной цитации в приведенном фрагменте (см. показательный пример анализа такой цитации: [Касаткина]).

В нем дважды чередуются восклицание героя («О, как я понимаю "пророка", с саблей, на коне») и прямая речь пророка в интерпретации Раскольникова («Велит Аллах, и повинуйся, "дрожащая" тварь!»), о чем сигнализирует начальное двоеточие и восклицательный знак в конце. Затем вновь следует ответная реплика героя с наполеоновскими реминисценциями, выдержанная в сниженном разговорном стиле («Прав, прав "пророкъ", когда ставит где-нибудь поперег улицы хор-р-ошую батарею и дует в правого и виноватаго, не достаивая даже и объясниться!»), и вводится, уже во второй раз, императив пророка («Повинуйся, дрожащая тварь<,> и — *не желай*, потому, — не твое это дело!..»). В мифотворческом воодушевлении Раскольников создает свой образ жестокого мусульманского пророка, который с высокомерным презрением смотрит на «дрожащую тварь».

Такую позицию героя, по сути отождествляющего себя с мусульманским пророком, автор подвергает сокрушительной «сюжетной критике» (критике героя через сюжет романа) [Назирова: 64], развенчивая первую религиозную и нравственную ошибку Раскольникова. Вид по-детски незащитной перед ударом топора Лизаветы, жесты и выражение лица которой повторяет потом Соня, заставил героя осознать этический и эстетический крах своего мифотворчества. Величавая поза пророка с саблей на коне Раскольникову не удалась, обернувшись, помимо «пошлости» и «подлости», тем, что «новый» Магомет и Наполеон полез «под кровать к старушонке».

Вторая религиозная ошибка героя связана с противопоставлением Христа Магомету, «закон» которого, в понимании Раскольникова, это закон силы. Христианскую же позицию, олицетворяемую прежде всего Соней Мармеладовой, он поначалу считает проявлением слабости и смеется над ней. Но, по сути, герой Достоевского искажает оба «закона», не воспринимая гуманистического содержания ни в христианстве, ни в исламе. Их ущербное противостояние автор снимает в эпилоге романа, упоминая об Аврааме, «отце всех верующих», в «лоно» которого возвращается Раскольников.

Как показала С. А. Мартыанова⁷, Достоевский здесь воссоздает иконографический сюжет, уходящий корнями в иудаизм. В нем «лоно Авраама, Исаака и Иакова» — это место утешения в Шеоле. С греческого оригинала Библии «лоно» буквально переводится как грудь, пазуха, складка. В русском языке родственной выражению «лоно Авраамово» является разговорная идиома «у Бога / Христа за пазухой»⁸, обозначающая высшую степень защиты. В символическом плане под библейским топосом имеется в виду блаженный приют страдальца, обретающего покой и утешение, подобно убогому Лазарю, умершему нищим и отнесенному Ангелами на лоно Авраамово (Лк. 16:20–31). В Евангелии души людей, отходящих от мира сего с благодатию Божиею и с покаянием во грехах своих, попадают в руки Божии: «Праведныхъ же души въ руцѣ Божіей, и не прикоснется ихъ мука» (Прем. 3:1). Также лоно Авраамово выступает как эквивалент Царствия Небесного: «Глаголю же вамъ, яко мнози отъ востокъ и западъ прїидутъ и возлягутъ со Авраамомъ и Исаакомъ и Иаковомъ во Царствїи Небеснѣмъ» (Мф. 8:11).

В христианской иконографии «лоно Авраамово» чаще всего — принадлежность композиции Страшного суда. Например, на фреске Дмитриевского собора во Владимире изображен восседающий вместе с Исааком и Иаковом Авраам, на коленях или за пазухой которого видны души праведных, представленных в виде детей. Отсюда иносказательное выражение «дети Авраама» (Лк. 3:8). В целом, библейская метафора «находиться в лоне Авраама» значит быть соединенным с ним, как дитя, сидящее на коленях любящего отца и укрывающееся за его пазухой. Как женское лоно рождает ребенка для земной жизни, так в лоне Авраамовом человек рождается для новой жизни.

⁷ См. ее доклад «Иконографический сюжет "Лонно Авраамово" в финале романа "Преступление и Наказание"», прочитанный на XLVII Международной конференции «Достоевский и мировая культура в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского 11 ноября 2022 г. Доступна к просмотру видеозапись выступления с докладом: https://vk.com/dostoevskyconference?z=video-76064271_456239031%2F264afe92a456fc8e6d%2Fpl_wall_76064271 (12.11.2022).

⁸ См.: Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. С. 83.

Илл. 1. Лоно Авраамово (праотцы Иаков, Исаак и Авраам).
Успенский собор во Владимире. Даниил Черный, ок. 1408 г.

Fig. 1. Bosom of Abraham (forefathers Jacob, Isaac and Abraham).
Cathedral of the Dormition in Vladimir. Daniil Cherny, 1408

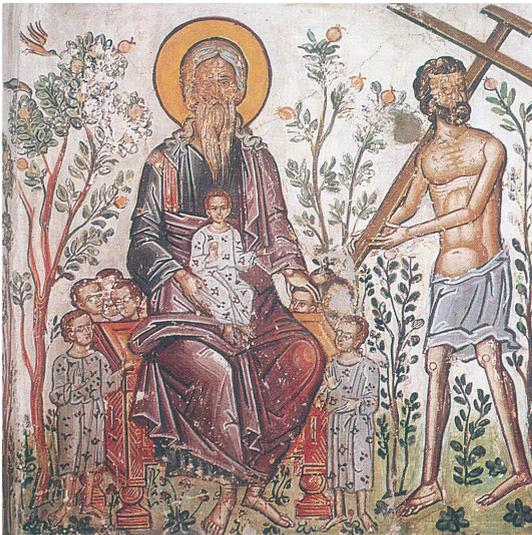
Как пишет известный французский историк культуры Ж. Баше, фигура Авраама, главного ветхозаветного патриарха, родоначальника трех великих религий (иудаизма, христианства и ислама), «отца всех верующих» (Рим. 4:11), равно почитаемого иудеями, христианами и мусульманами, «является ключевой в системе отношений» их исторического и духовного родства (цит. по: [Лучицкая: 83]), что подтверждается антропологией и генеалогией Священной истории:

Здесь отражена кровнородственная и духовная связь авраамических религий и пророков. На наш взгляд, без учета этой религиозной генеалогии невозможна адекватная интерпретация последнего видения Раскольникова, в основе которого, по справедливому мнению О. Меерсон, лежит «интертекст-прецедент библейский» [Меерсон: 15]:

«Съ высокога берега открывалась широкая окрестность. Съ дальняго другаго берега чуть слышно доносилась пѣсня. Тамъ, въ облитой солнцемъ необозримой степи, чуть примѣтными точками чернѣлись кочевыя юрты. Тамъ была свобода, и жили другіе люди, совсѣмъ не похожіе на здѣшнихъ, тамъ какъ бы само время остановилось, точно не прошли еще вѣка Авраама и стадъ его. Раскольниковъ сидѣлъ, смотрѣлъ неподвижно, не отрываясь; мысль его переходила въ грезы, въ созерцаніе; онъ ни о чемъ не думалъ, но какая-то тоска волновала его и мучила» (Ө. Д.: 526).

В трижды повторенном местоимении «там» О. Меерсон также обнаружила конкретную отсылку к библейскому «лону Авраамову» [Меерсон: 20], созерцание которого вызывает у Раскольникова необъяснимую тоску. Это тоска по раю, соотносенному в данном случае с «лоном Авраамовым», хронотоп которого вызывает ассоциации с палестинской пустыней, где когда-то жило племя первого патриарха. Созерцая «долину Авраама», Раскольников, подобно благоразумному разбойнику, изображенному на одной из икон, словно оказывается рядом с праотцом. В этой связи О. Меерсон справедливо подчеркнула, что здесь «вырисовывается <...> именно картина» [Меерсон: 26], вербально воспроизведенная Достоевским.

Илл. 2. Авраам и Благоразумный разбойник. Успенский собор во Владимире. Даниил Черный, ок. 1408 г.

Fig. 2. Abraham and the Prudent Robber. Cathedral of the Dormition in Vladimir. Daniil Cherny, 1408

Видение Раскольникова символизирует переворот в его душе: он больше не сознает себя оторванным от людей и — шире (благодаря упоминанию об Аврааме) — от человечества в его прошлом и настоящем. По мнению К. Кроо, «Раскольников "переходит из одного мира в другой" в смысле его выхода из старого слова. Истории этого выхода предстоит продолжаться, но ее Достоевский, в качестве "теперешнего рассказа", все-таки решает окончить. Этим он семантически завершает фигуру своего героя, полностью преобразуя присоединенную к ней наполеоновскую семантику» [Кроо: 139] и, добавим, актуализируя библейскую и кораническую традиции, которые органично контаминируются в романе.

Об этом свидетельствует, например, внутренняя связь видения Раскольникова с евангельской притчей о богаче и нищем (Лк. 16:22–25). Умерший Лазарь «отнесен был Ангелами на лоно Авраамово», который принял его как свое «чадо». К. Кроо справедливо полагает, что эта притча отсылает и «к образу бога-отца-судьи в мармеладовской модели воскресения <...>. Фигура Бога, в прощении которого отражается самоосуждение самого грешника, становится фигурой бога-отца» [Кроо: 159]. Кроме того, с фанбульной точки зрения роман «Преступление и Наказание», как мы писали ранее [Борисова, 1991: 70–71], в целом является развернутым переложением «Девятого подражания Корану» Пушкина. В начале жизненного пути Раскольников похож на «усталого путника», который «на Бога роптал». В эпизоде он преобразуется подобно пушкинскому пророку:

«И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь»⁹.

Таким образом, разворачивая в своем романе сюжет Раскольникова, Достоевский вслед за Пушкиным воспроизвел эффект со-бытия героя с главными фигурами Священной истории.

Список литературы

1. Борисова В. В. Синтезизм религиозно-мифологического подтекста в творчестве Ф. М. Достоевского (Библия и Коран) // Творчество Ф. М. Достоевского: искусство синтеза / под ред. Г. К. Щенникова, Р. Г. Назирова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 63–89.
2. Борисова В. В. Об одном фольклорном источнике в романах Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1996. Т. 13. С. 65–73.
3. Борисова В. В. Магомет // Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев; науч. ред. Г. К. Щенников; ЧелГУ. Челябинск: Металл, 1997. С. 96. (а)

⁹ Пушкин А. С. Подражания Корану. С. 193.

4. Борисова В. В. «Тварь дрожащая» // Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев; науч. ред. Г. К. Щенников; ЧелГУ. Челябинск: Металл, 1997. С. 118. (b)
5. Бочаров С. Г. «Ты человечество презрел». Об одном сюжете русской литературы: Достоевский и Пушкин // Про мемория: [сб. мат-лов Междунар. конф., 28–30 мая 2001 г., Петербург]: памяти акад. Георгия Михайловича Фридендера (1915–1995). СПб.: Наука, 2003. С. 87–105.
6. Захаров В. Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. 1979. № 4. С. 21–27.
7. Захаров В. Н. «Православное воззрение»: идеи и идеал // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. Т. 7. С. 529–544.
8. Касаткина Т. А. Пунктуация как художественный прием: «только открывающая кавычка» // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: современное состояние изучения / гл. ред. Т. А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 77–84.
9. Кроо К. «Творческое слово» Ф. М. Достоевского — герой, текст, интертекст. СПб.: Академический проект, 2005. 288 с.
10. Лучицкая С. И. Ж. Баше. «Авраамово лоно (Авраам и структуры родства на средневековом Западе)». (Аналитический обзор) // Историческое знание на рубеже столетий: сб. обзоров и рефератов. М.: ИНИОН РАН, 2003. С. 82–98.
11. Меерсон О. Авраам и Исаак — свидетели покаяния Раскольникова // Достоевский и мировая культура. Альманах. 2013. № 30 (2). С. 9–26.
12. Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 160 с.
13. Подосокорский Н. Н. Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 89–143.
14. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 470 с.
15. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016. 560 с.
16. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Академический проект, 2017. 905 с.

References

1. Borisova V. V. Synthetism of Religious and Mythological Subtext in the Works of F. M. Dostoevsky (the Bible and the Koran). In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: iskusstvo sinteza* [Works of F. M. Dostoevsky: the Art of Synthesis]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 1991, pp. 63–89. (In Russ.)
2. Borisova V. V. About One Folklore Source in Dostoevsky's Novels. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, vol. 13, pp. 65–73. (In Russ.)
3. Borisova V. V. Mahomet. In: *Dostoevskiy: estetika i poetika: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics: Dictionary and Reference Book]. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997, p. 96. (In Russ.) (a)

4. Borisova V. V. "Creature Trembling". In: *Dostoevskiy: estetika i poetika: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics: Dictionary and Reference Book]. Chelyabinsk, Metall Publ., 1997, p. 118. (In Russ.) (b)
5. Bocharov S. G. "You Have Despised Humanity". On a Plot of Russian Literature: Dostoevsky and Pushkin. In: *Pro memoria: sbornik materialov Mezhdunarodnoy konferentsii, 28–30 maya 2001 g., Peterburg: pamyati akademika Georgiya Mikhaylovicha Fridlendera (1915–1995)* [Pro Memoria: Collection of Materials of the International Conference, May 28–30, 2001, St. Petersburg: in Memory of Academician Georgy Mikhailovich Fridlender (1915–1995)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, pp. 87–105. (In Russ.)
6. Zakharov V. N. Word and Italics in "Crime and Punishment". In: *Russkaya rech'*, 1979, no. 4, pp. 21–27. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. "Orthodox View": Ideas and Ideal. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2007, vol. 7, pp. 529–544. (In Russ.)
8. Kasatkina T. A. Punctuation as an Artistic Technique: "Only Opening Quotation Marks". In: *Roman F. M. Dostoevskogo "Podrostok": sovremennoe sostoyanie izucheniya* [Dostoevsky's Novel "The Adolescent": Current State of Research]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2022, pp. 77–84. (In Russ.)
9. Kroo K. "Tvorcheskoe slovo" F. M. Dostoevskogo — geroy, tekst, intertekst ["Dostoevsky's Creative Word" — Hero, Text, Intertext]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 288 p. (In Russ.)
10. Luchitskaya S. I. J. Baschet. "Abraham's Bosom (Abraham and the Paternity Structures in the Western Medieval Society)". (The Analytical Review). In: *Istoricheskoe znanie na rubezhe stoletiy: sbornik obzorov i referatov* [Historical Knowledge at the Turn of the Century: Collection of Reviews and Abstracts]. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003, pp. 82–98. (In Russ.)
11. Meerson O. Abraham and Isaac as the Witnesses of Rascolnikov's Repentance. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac], 2013, no. 30 (2), pp. 9–26. (In Russ.)
12. Nazirov R. G. *Tvorcheskie printsipy F. M. Dostoevskogo* [Creative Principles of F. M. Dostoevsky]. Saratov, Saratov State University Publ., 1982. 160 p. (In Russ.)
13. Podosokorskiy N. N. The Religious Element of the Myth of Napoleon in the Novel "Crime and Punishment": the Image of "Napoleon-Prophet" and the Mystic Sects of Russian Schismatics, Worshippers of Napoleon. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura. Filologicheskii zhurnal* [Dostoevsky and World Culture. Philological Journal], 2022, no. 2 (18), pp. 89–143. (In Russ.)
14. Tikhomirov B. N. "Lazar'! gryadi von". *Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* ["Lazarus! Ridge Over There". Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in Modern Interpretation: The Commentary]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2005. 470 p. (In Russ.)
15. Tikhomirov B. N. "Lazar'! gryadi von". *Roman F. M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* ["Lazarus! Ridge Over There". Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in Modern Interpretation: The Commentary]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)
16. Florenskiy P. A. *Stolp i utverzhdenie istiny. Opyt pravoslavnoy teoditsei v dvenadtsati pis'makh* [The Pillar and the Ground of the Truth. An Essay on Orthodox Theodicy in Twelve Letters]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2017. 905 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Борисова Валентина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и теории словесности, Московский государственный лингвистический университет (ул. Остоженка, 38, г. Москва, Российская Федерация, 119034); ведущий научный сотрудник, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Музейный центр «Московский дом Достоевского») (ул. Достоевского, 2, г. Москва, Российская Федерация, 103030); профессор кафедры русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3а, г. Уфа, Российская Федерация, 450008); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Valentina V. Borisova, PhD (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Theory of Literature, Moscow State Linguistic University (ul. Ostozhenka 38, Moscow, 119034, Russian Federation); Leading Researcher, V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Museum Center “Moscow House of Dostoevsky”) (ul. Dostoevskogo 2, Moscow, 103030, Russian Federation); Professor of the Russian Literature Department, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabr’skoy Revolutsii 3a, Ufa, 450008, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9011-0160>; e-mail: vvb1604@gmail.com.

Поступила в редакцию / Received 07.09.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 12.11.2022

Принята к публикации / Accepted 15.11.2022

Дата публикации / Date of publication 10.12.2022